

Жёлтые лилии

Сэтоши Мотидзуки

Токио - огромный мегаполис со своими традициями, людьми, которые словно гигантские муравьи носятся туда-сюда, стараясь везде успеть. Город, в котором переплетаются передовые технологии и древние традиции. Город, который как и все мегаполисы мира не любит слабых. Он находит в толпе своих подданных людишек-муравьёв неспособных к противостоянию с ним и давит на них до тех пор пока они либо не станут сильными, либо не сдадутся. Те, кто сдавался, превращались в нищих. Те, кто противостоял, постепенно поднимались по карьерной лестнице.

На вокзал приехал очередной поезд из Тибы, и город стал следить за своей новой целью - молодым парнем, наследником империи Мотидзуки, который уехал из своей семьи, чтобы испытать судьбу. По смятению, отразившемуся на лице молодого человека, по его растерянному взгляду Город сделал вывод, что этот человек должен пройти множество испытаний прежде чем станет достойным жителем. Но нужно ли это самому молодому человеку? Или он хочет остаться на низшей ступени? Найти небольшую компанию, спокойно работать от зарплаты до зарплаты и жить? Сможет ли он, после тех привилегий, что были у него в семье, жить на маленькую зарплату? Как он будет выбираться из этого? И получится ли у него это?

Сэтоши впервые приехал в этот город один. Раньше он был с родителями и не особо разбирался в том, что делать и как быть. Но, осмотревшись, он увидел вывеску аренды автомобилей. Чуть дальше была вывеска офиса по сдаче квартир, и он направился туда, совершенно не представляя, что нужно делать дальше. Что вообще нужно делать.

Ему показали три варианта, и на просмотре третьего он почувствовал усталость. Ему было тяжело со всем разобраться, и он, выбрав себе подходящую квартиру, лег спать. Эта ночь принесла обрывчатые воспоминания, неприятные сны и прочую ересь, и он не выспался. Но проснулся достаточно рано и, поняв, что нужно искать работу, направился в город.

Токио живет постоянно. Это город, который никогда не спит. И городу было интересно наблюдать за этим молодым человеком. Сэтоши постоянно чувствовал чье-то присутствие, но не мог понять, что это за присутствие. Что-то неуловимое глазу словно давило на него. И от этого становилось странно. И страшно. Но он не мог просто так сдаться, даже не попробовав ничего. Он не знал, где и что искать, и первый день поисков не принес результатов. Как второй и третий. А на четвертый день, гуляя по улице, он увидел небольшой цветочный магазин, на двери которого красовалось объявление о поиске помощника флориста. Он направился туда...

Сэтоши Мотидзуки

Он получил работу помощником флориста, и заработную плату обещали чуть больше, чем нужно было отдавать за квартиру. Если почти не питаться, то должно было хватить на жизнь. Ему понравилось на новом месте работы, и он даже чувствовал себя нормальным и полноценным жителем этого города, который,

казалось, не был согласен с тем, что так быстро этот приезжий молодой человек чего-то достиг. И город старался его убрать.

Несколько дней Сэтоши вникал в работу, по вечерам сидел на кухне в маленькой квартирке и читал специальную литературу, которую ему давала хозяйка. Он понимал, что все его знания, касающиеся цветов, не имели ничего общего с образованием. Так, он не знал о конфликте цветов, не умел собирать красивые букеты. И не только красивые, но и правильные. Он знал, как подрезать розы, пионы, как ухаживать за садовыми растениями, но со срезанными цветами никогда не имел дела. И вот этому надо было обучиться в короткие сроки.

Он ночами не спал, изучая и штудирюя материал, днём старался всё понимать, работать, разговаривать с клиентами. Но пока ещё ему нечасто разрешалось разговаривать с клиентами. Ему пока приходилось работать с цветами, обрезая их, срезая пожелтевшие листья, убираться и разбираться с бумагами. Пару раз он делал заказы, считал деньги и отвозил документы. За всё это время он пару раз позвонил отцу, но тот не брал трубку. Он оставил голосовое сообщение, что устроился, а потом рассказал о своих успехах. Отец так и не ответил, и он перестал ему звонить. Матери звонил раз в неделю и сообщал, что у него всё в порядке.

После получения первой зарплаты он хотел позвонить отцу, но вместо этого сделал красивый букет из роз и отправил его матери, надеясь, что та его получит. А потом оплатил квартиру и пошёл бродить по улицам. Город наблюдал за ним, ему не были интересны подданные муравьишки, его полностью интересовал этот молодой человек, который возомнил себя самым умным и счастливым. Городу не были нужны счастливые люди. Ему нужны были работающие люди. Сэтоши работал, но он старался казаться счастливым. Вечерами, перед сном, он вспоминал разговор с отцом, винил и ненавидел себя за этот срыв, когда он посмел наговорить ему много всего плохого. Но он ничего не мог сделать. Ему хотелось поговорить с кем-то, попросить совета, но это был признак слабости. Он должен двигаться дальше, он должен стать сильным и если не известным, то хотя бы достойным человеком. Кто знает, может отец простит его?

Он всё читал и штудировал, теперь он уже намного лучше понимал во флористике, и получалось даже самому что-то сделать. Он уже был готов к тому, чтобы самому обслуживать клиентов, подбирать им цветы, разговаривать с ними. Такой режим жизни, когда на сон оставалось два-три часа, никого ещё не щадил, и Сэтоши не был исключением. Он стал рассеянным. Но он упрямо старался не обращать на усталость внимания. Однажды, гуляя по городу, он увидел афишу нового зарубежного спектакля, который приехал на гастроли, и лицо одной женщины ему показалось знакомым. Он долго смотрел на эту женщину, и внутри будто бы что-то перевернулось. Он купил себе билет. Дорогой, на третий ряд партера...

Сэтоши Мотидзуки

С тех пор, как его нога ступила на Токийскую землю, прошло почти два месяца. От первой зарплаты осталось совсем немного, но он не унывал. Он считал, что ему нравится это дело, что он сможет чего-то достичь, но из-за недосыпа он начал ошибаться, его внимание стало рассеянным. Его ошибки были незначительными, никто не замечал их, но всему есть предел. За ту ошибку он себя никогда не

простит...

... У них была постоянная клиент, какая-то важная женщина, занимающая какой-то пост в правительстве или ещё где-то, и эта женщина очень любила цветы. Всякие разные, но на один вид цветов у неё была жуткая аллергия. И Сэтоши в этот день забыл об этом. Разумеется, он её знал, видел, даже как-то раз общался с ней. Но вот в этот важный день он собрал букет из белых хризантем. Украсил веточками, обернул в красивую обёртку и отправил с курьером. А на следующий день оказалось, что у женщины случился приступ аллергии, и она приказала хозяйке этого салона цветов уволить глупого мальчишку. Что и произошло. Его вышвырнули как нашкодившего котёнка, не заплатив. Потому что вся его зарплата почему-то ушла на компенсацию этой женщине. Он не умел спорить, он просто сдался и ушёл, понимая, что ему совершенно нечем платить за квартиру. Через несколько дней его выгнали из квартиры, и он, посмотрев на уличное табло с часами, увидел, что вечером будет спектакль. Он хотел сначала продать билет, чтобы снять номер в отеле и не оставаться на улице, но либо цена была низкой, либо никто не хотел брать.

Он целый день бродил по городу и к вечеру пришёл в театр. Он не знал, чем обернётся всё это дело, но там всё-таки играла его мать...

Путеводная Нить

Токио. Некогда родной и любимый город, в котором она не была четверть века, изменился до неузнаваемости. Она никогда ни о чём не жалела, а об одном периоде своей жизни, в которой остались муж и сын, она почти стала забывать. Первое время ей было тяжело, особенно тёмными ночами, когда она ещё не получила известность и не стала любящей женой и матерью двух прекрасных девочек-погодок. С прошлым её связывала лишь внешность, но всё остальное осталось позади. Она даже получила гражданство другой страны и отказалась от своего.

И вот теперь она в городе, в котором когда-то познакомилась с Мотидзуки Шотаро. Она почувствовала какой-то укол в сердце, когда из окна машины увидела парк, в котором гуляла с ним. Но вспоминать о прошлом не было смысла и возможности. Она приехала сюда с одной целью - показать спектакль японской аудитории, а потом вернуться в Великобританию. Всего два дня. И она вернётся к привычному образу жизни.

Репетиции и подготовка к спектаклю прошли идеально, и она, вместе с другими актрисами, ушла в гримёрку, чтобы подготовиться и как всегда блестяще выступить на сцене. И хоть она уже достигла славы, стала известной, всё равно перед каждым выступлением чувствовала страх. Но она не могла упасть лицом в грязь, и поэтому держала свои эмоции при себе.

И вот, зал был полон, и её коллеги отправились на представление, а она некоторое время была в одиночестве. Её роль будет во втором действии, и эта роль была самой сильной из всех когда-либо сыгранных ею. Потому что жизнь её героини была похожа чем-то на её жизнь. Только она об этом никогда не задумывалась...

Сэтоши Мотидзуки

Последний раз Сэтоши был в театре несколько лет назад. Кажется, очень давно, ещё Джун тогда был маленький, и они с родителями ходили на представление. Отец тогда не пошёл, а может быть он это просто не помнит. А в этом театре он, кажется, никогда ещё не был. Поэтому ему было интересно, и он рассматривал внутреннее убранство театра, которое не было каким-то выдающимся. Однажды он смотрел по телевизору оперу в знаменитом итальянском театре, и там показывали внутреннее убранство, красивую люстру, удобные кресла с обивкой из красного бархата, полукруглые ярусы балкона. Всё в красно-золотых цветах, очень красиво. А здесь было как-то скучно и просто. Но, тем не менее, здесь можно погреться и подумать над тем, что делать дальше.

Погас свет и началось действие. Молодой человек слушал музыку и вяло следил за действием, хотя, судя по всему, оно было достаточно интересное. Зарубежные актёры говорили на английском языке, а для тех, кто не знал, наверху под потолком висел экран, на котором транслировался перевод. Но, по мнению молодого человека, этот экран только мешал, отвлекая от наслаждения игрой актёров.

Первое отделение закончилось, начался антракт. Сэтоши почувствовал усталость и недомогание, вызванное плачевным положением и долгим гулянием в холодную погоду. Заболевать ему сейчас было нельзя, потому что ему было теперь негде жить. А о возможности вернуться домой речи не шло. Его никто не ждал дома, и показывать отцу, что ни на что не годен и давать повод лишний раз постебаться он не хотел. Потому что он Мотидзуки, а Мотидзуки всегда могут найти выход из любой ситуации. Только вот оказалось, что он какой-то неправильный Мотидзуки. Слишком слабый и застенчивый. И одинокий...

- Я читала про эту постановку. Сейчас должна на сцену выйти Кэмпбелл Нэтсумисан, которая будет петь свою арию. Кстати, я слышала, что она её привезла отсюда, это была любимая песня её юности. И, кажется, она будет на японском языке, - донёсся до него голос девчонки с соседнего кресла, которая рассказывала это родителям. Он вздрогнул и сглотнул. Он не мог понять, что делать и нужно ли вообще что-то делать.

- Всё-то ты знаешь, - усмехнулся мужчина, поправляя свой галстук.

И вот свет погас, и началось второе действие. На сцене была сделана площадка из декораций, имитирующая поле. По нему шла немолодая, но очень красивая женщина, обмахивающая себя веером. Сэтоши сидел на третьем ряду партера, и ему было очень хорошо видно, что это была за женщина. Он почувствовал комок в горле и прикрыл глаза. Он не знал, как реагировать на это. Но, услышав голос, такой же нежный и прекрасный, каким она обладала в его далёком детстве, он почувствовал, как по телу прошёлся холодок, а на лбу появился пот.

- Где же ты, мой Чарли? Что с тобой стало? - говорила женщина в пустоту...

Путеводная Нить

Она остановилась и обернулась к залу, смотря будто бы сквозь него. Она не удивилась, что все билеты были проданы, ей сказали, что на момент первого действия наполняемость зала составляла сто процентов, и она не удивилась. Эта

постановка была известна в мире, они уже лет пять играли этот спектакль, и на родине он был очень популярен. Нэтсуми была известна, многие зарубежные журналы имели за честь взять у неё интервью и гнались за сенсацией. Она спокойно рассказывала о своей жизни, но на прошлое был запрет. Она не любила разговаривать на эту тему. И она была тверда в своём решении.

Жалела ли она? Вероятно. Но она знала, что если бы осталась с ними, то ничего бы этого не было. Она бы осталась никому неизвестной провинциальной актрисой второго плана. Любила ли она мужа? Она уже и не вспомнит. Наверное, да. До того, как он начал ставить ей условия. Никто, кроме Джона Кэмпбелла, не знал, через что ей пришлось пройти, чтобы снова начать улыбаться и обрести веру в себя.

Она окинула взглядом зал. Заиграла музыка, и она начала петь. Её нежный голос, полный боли, отчаяния, безграничной любви к пропавшему сыну, разлетелся по залу, заставив изумлённых слушателей замороженно смотреть на неё и слушать песню. Взгляд скользил по залу, и она с удовлетворением понимала, что этот спектакль нравится в Японии, в стране, где были совершенно другие ценности, другая культура. В стране, где жил её сын. Взгляд случайно зацепился за сидящего на третьем ряду молодого человека, который был точной копией первого мужа, и она непроизвольно слабо вздрогнула. На одном важном моменте голос дрогнул, но она продолжила петь. Её сын здесь? Но как? Как он узнал о спектакле? Шотаро тоже здесь? Но нет, его видно не было. Она почувствовала смущение и опустила глаза.

- Я не хочу заниматься семьёй и детьми! Я мечтала стать актрисой!

- Это твоя обязанность как жены и матери! - Вскричал Шотаро.

- Да я лучше разведусь с тобой!

- Только сына ты не получишь! Не хочешь жить на моих условиях - с сыном видаться не будешь!

- Ты... ты не можешь...

- Я люблю тебя, Нэтсуми... - начал он.

- Да ты никого не любишь. Я ненавижу тебя!

Потом были другие разговоры и угрозы, и она начинала ненавидеть Шотаро, хоть он и всеми силами пытался её удержать. Она ненавидела его из-за семьи. У них влияние, деньги, власть. Они никогда не отдадут её, нищеводке, сына. Она не могла смириться с этим, но давление было слишком сильным, и она просто ушла. Она стала отдаляться от сына, когда ему исполнился год. Она старалась меньше времени проводить с ним, чтобы он отвык от неё. И, уходя из дома, она на секунду остановилась около его комнаты. Она не зашла туда, просто тихо сказала, что любит его. И навсегда покинула этот дом...

Воспоминания пронеслись перед её глазами, и она заметила, что зал стал размываться из-за слёз, появляющихся в глазах. А она всё пела свою песню матери, сильно любящей своего ребёнка, но потерявшей его.

- Чарли! Чарли! Где ты? Ты слышишь меня? - по залу разнёсся отчаянный крик. Погас свет.

Сэтоши Мотидзуки

- Папа, а почему мне Мизуки-сан надо называть мамой? - спросил мальчик, держа отца за руку и внимательно глядя на проезжающие мимо машины.

- Потому что она теперь твоя мать, и это не обсуждается.

- А моя мама? Она больше не придёт?

- Ну что за бестолковый ребёнок. Твоя мама - это Мизуки. И я больше не хочу слышать это.

Он вынырнул из этого воспоминания и протёр рукой лицо. Оно было в поту. А призраки снова рвались наружу, и у него теперь не было сил их сдерживать. Но эта жуткая песня, из-за которой он оказался в столь плачевном положении, этот голос, который вроде как изменился, но в нём ещё чувствовалась боль и отчаяние, закончилась. На несколько секунд погас свет, только для того, чтобы сменить декорации, но дальнейший спектакль ему уже не было суждено досмотреть. Призраки стали рваться наружу, вызывая перед глазами хаотичные картинки из видений.

Он никогда не был хулиганом, но однажды ему захотелось нарушить одно правило. Дед не любил, когда к нему приходят с глупыми вопросами, а уж когда отвлекают от работы... Но маленький ребёнок не может соблюдать все эти правила и условия, и вот он пришёл в кабинет деда. Сел на его рабочий стул и увидел несколько листов бумаги. В садике Норико показывала, как делать самолётик, и он стал делать самолёт. Получилось не с первого раза, и около стола валялось много испорченных листов бумаги. А потом стал его раскрашивать обычной ручкой...

Что было потом Сэтоши помнил не очень хорошо, но, кажется, его тогда очень долго ругал отец.

Он в слезах убежал в свою комнату и повалился на кровать. Он ведь только хотел сделать самолётик, он хотел поиграть с дедом, но все взрослые всегда заняты. И что значит - испортил финансовый отчёт? Ему было непонятны все эти слова, но он боялся, что с ним никто не будет больше дружить.

В комнату вошла Мизуки-сан, которую он уже месяц должен звать мамой, но к которой всё ещё обращался уважительно. Она присела на край кровати и положила руку на его голову. Потом провела по спине.

- Я понимаю, что тебе обидно, но... ты же знаешь, что тебе туда нельзя заходить.

- Я просто хотел сделать самолётик, - жалобно всхлипнул мальчик. - Почему папа меня ругал?

- Это были важные документы. Твой отец очень долго их делал. Сэтоши, - голос Мизуки стал строгим. - Пожалуйста, не заходи больше в кабинет деда. Попроси меня.

- Она снова вернулась к ласковому тону. - Давай мы завтра пойдём и купим много-много бумаги? Я тебя научу что-нибудь ещё делать.

Он кивнул головой и сел на кровати. Мизуки-сан его обняла, а потом нежно стёрла слёзы с его щёк. Поцеловала в лоб и встала с кровати.

- Мизуки-сан, - тихо и застенчиво произнёс он, видя, как она остановилась и грустно вздохнула. - Можно я буду называть вас мамой?

Аплодисменты вывели его из воспоминаний, и он открыл глаза. Оказалось, что спектакль уже закончился, и все артисты вышли на поклон. Когда вышла его мать, он посмотрел на неё и встретился с ней взглядом. Но она первой отвела взгляд, и он поднялся с места и, пройдя через соседей, направился по проходу к выходу...

Путеводная Нить

Она блестяще играла свою роль, стараясь не обращать внимания на сына, который выглядел не самым лучшим образом. Сейчас, в темноте, когда на него не падал свет софитов, он был сильно похож на Шотаро. На человека, который выгнал ее и лишил ее сына. Она не хотела видеть его. Но это был не он. Это был сын. Некогда любимый и родной сын, которого из-за Шотаро она потеряла.

Она не знала, как реагировать на его присутствие на этом спектакле, но у нее было единственное желание поскорее закончить со своими сценами и уйти. Но никто не должен знать, что у неё есть какие-то тайны. Что она чем-то расстроена, что не может понять, что ей делать. Если сын пришёл на спектакль, купил достаточно дорогой билет, то это вряд ли могло быть совпадением. И она боялась недалёкого будущего, пока неизвестного ей. Но сейчас она проживала роль своей героини, которая наконец-то встретила своего сына. Последняя сцена, когда сын, наконец, согласился на встречу со своей блудной матерью, далась ей непросто. Сердце бешено колотилось в груди, а голос сильно дрожал.

- Я люблю тебя, Чарли. Прости меня, что бросила тебя, - дрожащим голосом произнесла она и обняла молодого человека.

На этом погас свет, и за опущенным занавесом слышались аплодисменты и крики "Браво". Она отстранилась от актёра и указательными пальцами стёрла слёзы.

- Миссис Кэмпбелл, вы в порядке?

- Всё хорошо, Дэвид, - она улыбнулась.

- Вот что значит "вжиться в роль". Ты была как всегда очаровательна, дорогая, - сказал Джон, целуя её в щёку и преподнося ей желтую лилию. Цветок, который она любила. Она поцеловала мужа в щёку.

Теперь нужно идти "на поклон", чтобы проводить публику. Попрощаться с ними. Сына она увидела сразу, и выражение его лица ей показалось каким-то странным. Он встал и направился к выходу по проходу, а она смотрела ему вслед, но потом переключила внимание на сидящих в зале людей. Спектакль удался. Завтра она полетит домой. К любимым детям, к любимому обществу. Завтра она забудет о сыне, как сделала это лет двадцать пять назад...

Сэтоши Мотидзуки

Он вышел в фойе. Там уже были люди, и он, вздохнув, забрал свою куртку из

гардероба и вышел на улицу. Дождь прекратился, на дорогах были лужи, сильно похолодало. Это было плохо. Потому что на улице он ещё никогда не ночевал, а уж в холод вообще не представлял, как это делать. Но сейчас ему было неважно, что будет с ним дальше. В голове крутилось много мыслей, они никак не хотели успокаиваться, раскладываться по полочкам. Он был в смятении. Этот взгляд, что она несколько минут назад бросила на него, показал ему, что она его узнала. Вспомнила. Хочет ли он встретиться с ней?

Он прислонился к дереву, растущему неподалёку, и стал смотреть за выходящими из театра людьми. На него никто не обращал внимания, но он слышал разговоры. Все обсуждали этот спектакль и прекрасную игру артистов, в том числе и Кэмпбелл Нэтсуми-сан. Он хмыкнул и увидел в толпе идущих молодую девчонку с родителями, которая им что-то очень возбуждённо рассказывала. Он сглотнул и подошёл к ним.

- Добрый вечер, - сказал он, и мужчина встал перед ним, загораживая жену и дочь. Он сглотнул. - Простите, что отвлекаю вас, но... я сидел в зале рядом с вами и слышал, как вы, - он кивнул на девочку, с любопытством разглядывающую его, - рассказывали об этой актрисе.

- Да, мне очень нравится её игра.

- А вы что-нибудь знаете о её истории?

- Журнал "The Guardian" лет семь назад написал о ней статью. Она есть в интернете.

- Спасибо вам, - он склонил голову в знак почтения. - А вы не подскажете, где тут служебный вход? Кэмпбелл-сан даёт автографы, не будет ли прочь поговорить с поклонниками?

- Служебный вход там, с другой стороны здания.

- Спасибо вам, - он снова поклонился и направился к служебному входу. Там было пусто, и он прислонился к фасадной стене. Открыл интернет и быстро нашёл статью английского журнала про жизнь и судьбу Нэтсуми Кэмпбелл. Он бегло прочитал статью, но потом взгляд его зацепился за её рассказ о прошлом.

- Вы никогда не рассказываете о прошлом. У вас есть на то причины?

- Да.

- Может, расскажете? Говорят, от этого становится легче. Почему вы уехали из Японии?

- Хорошо. Я вам расскажу, хоть и больно это вспоминать. У меня там были муж и сын. Но когда сыну исполнился год, он внезапно умер. Во сне. Есть такой синдром - синдром внезапной детской смерти, когда ребёнок просто перестаёт дышать. Муж возненавидел меня, и мы расстались. И я уехала

Дальше Сэтоши читать не стал, почувствовав какую-то непонятную ярость. Он возненавидел эту женщину. Мало того, что она, как сказал отец, его ненавидела, так ещё и придумала, что его, Сэтоши, уже нет в живых. Получается, она ненавидела

ещё и его? Он осмотрелся. На другой стороне дороги был цветочный магазин, и он направился туда. Запахи цветов будоражили сознание, и он купил букет из жёлтых лилий. Эти цветы так любила эта женщина, которую он имел глупостью называть матерью. Расплатившись за букет, он направился обратно. Поймал мальчишку, дал ему деньги и попросил отнести букет артистке. А потом пошёл в магазин и купил себе бутылку нихонсю. Сделал несколько глотков из горла, чтобы согреться, и встал около дерева, так, чтобы его никто не видел. Вскоре эта женщина вышла. Она была одна. Когда она поравнялась с деревом, он вышел из-за него и преградил ей путь.

- Здравствуй, мама, - холодно сказал он...

Путеводная Нить

Спектакль окончился, благодарные зрители начали расходиться, и артисты постепенно снимали свои маски и становились простыми людьми. Все значимые артисты соблюдали некий ритуал, чтобы было легче вернуться к привычному образу жизни, а то иногда, особенно если один и тот же спектакль идёт на протяжении нескольких месяцев не переставая, можно и забыть о своей жизни. Нэтсуми в этот раз больше молчала и мало смеялась, хотя её смех был очень заразительный, а она сама - достаточно умным и эрудированным человеком.

Но сейчас она была смущена. Она точно видела своего сына, и она не знала, как на это реагировать. Ей хотелось найти его, поговорить с ним, но где-то в глубине души она понимала, что это будет похоже на действия героини. Потому что она сама за эти годы ни разу не вспомнила о нём. После того, как вернулась к нормальной жизни. А ведь сначала было совсем плохо, и она не знала, куда себя деть. Уйдя от Шотаро, она через несколько дней села в самолёт, увозящий её в Штаты, где она попыталась счастья, но у неё ничего не получилось. Кто-то из артистов предложил ей поехать в Англию. И теперь она действительно счастлива.

Ритуал состоял в том, что артисты и лица, так или иначе задействованные в спектакле, сидели за столом, кушали и общались. О спектакле, о жизни, о любви. Труппа была как одна большая семья, и все друг друга поддерживали. Когда каждый находится на своем месте, то нет смысла и времени ссориться.

- Дорогая, ты в порядке? На тебе лица нет, - спросил муж.

- Я просто устала. Я, наверное, пойду в гримёрку. Всем спасибо, вы отлично потрудились, - ответила она с лёгкой улыбкой на лице.

Она направилась в гримёрку и опустилась на стул. Осмотрелась и увидела несколько букетов красных роз и один небольшой букетик из жёлтых лилий. Эти цветы она сильно любила, но вроде бы никогда и никому не рассказывала об этом. Только мужу. Конечно, папарацци могли заснять её где-то с этими цветами, но это был первый букет за двадцать лет.

- О, Джон, как это приятно. Спасибо тебе, любимый.

Настроение сразу повысилось, и она улыбнулась. Начала снимать с себя грим, потом переоделась. Она не сомневалась, что это действительно был Джон, её

любимый и родной муж, который поднял её с самого дна жизни и поверил в неё. Заставил её поверить в себя. С которым она была счастлива.

Постепенно все разошлись, ушли и соседки по гримёрке, а она продолжала сидеть с этим букетом в руках и вспоминать счастливые моменты их жизни. Вот, первые шаги старшей дочки, вот больница с младшей дочкой, когда та наелась теста для лепки, вот пятая годовщина свадьбы. Или получение гражданства и отказ от японского гражданства. И роли в театре. Было много ролей, но ни одна роль не была бесчувственной и слабой. Она на сто процентов вкладывалась в свою роль, на проживала жизнь своих героинь. И за это её ценили и уважали. Она не была ведущей актрисой, довольствовалась ролями второго плана, но делала это очень искренне и живо.

Надев плащ и оставив букет в гримёрке, чтобы его потом убрали и выкинули на помойку, она попрощалась с этим театром и вышла на улицу. Было холодно и темно. Машина мужа стояла недалеко, и она направилась к ней, как вдруг перед ней встал молодой человек, её сын. В его руке была бутылка алкоголя. Женщина вздрогнула и испуганно посмотрела по сторонам, ожидая, что к ней сейчас подойдут его дружки и начнут её избивать. Так было с её героиней, когда она нашла сына и дала ему о себе знать. А он подкараулил её, когда она выходила из дома, напал на неё и сильно избил. Неужели здесь будет всё так же? Но нет, он был один. Она сглотнула и посмотрела на него.

- Сэтоши... сынок... я рада тебя видеть, - дрожащим от волнения голосом сказала она.

Сэтоши Мотидзуки

Женщина выглядела испуганной, и он ухмыльнулся. Сделал ещё несколько глотков алкогольного напитка и подошёл к ней. Сейчас она не была уверенной в себе женщиной, которой казалась на сцене и на фотографиях. В её глазах был страх, а сама она являла собой жалкое зрелище.

- Удивительно, что ты помнишь имя своего задохнувшегося в год ребёнка, - прошипел он. - Я не спрашиваю, почему ты это сделала. Но... зачем? Неужели ты действительно не любила своего мужа, что смогла так легко отказаться от всего?

Он не знал, чего добивается, но сейчас уже было всё равно. Алкоголь начал проникать в мозг, и ненависть к этой женщине жгла его сознание. Он понимал, что ведёт себя не так, как должен. Но раньше он считал, что любит эту женщину. Что мог бы с ней познакомиться, найти свою мать, прижаться к ней. Он не понимал отца, который запрещал ему вспоминать её, он не понимал, почему отец выбросил все её фотографии, не оставив ничего. После разговора с бабушкой, где он, видимо, что-то недопонял, он сильнее возненавидел отца. Но потом оказалось, что он все двадцать пять лет жил в заблуждении. Он не был нужен этой женщине. И из-за этого он открыл старые раны отца, который сильно переживал всё это и тщетно пытался забыть. И усугубил ситуацию со своим отъездом. Он не был уверен, что отец теперь когда-нибудь скажет ему хоть одно ласковое слово. Да и не в словах было дело. А в том, что своими гневными словами он причинил боль людям, которые его любили. И особенно - Мизуки.

После появления на свет братика прошло немного времени, а он уже начал чувствовать, что к нему стали холодно относиться. Мама всегда была занята, папа не хотел общаться, и он большую часть своего времени проводил в садике и был предоставлен сам себе. А вечером, когда все уходили в свои комнаты, Сэтоши остро чувствовал одиночество. Однажды к нему в комнату тихо вошла Мизуки. Он посмотрел на неё заплаканными глазами. Она присела на край кровати и приобняла сына.

- Почему слёзы, малыш?

- У вас теперь родился свой ребёнок, и я не буду вам нужен?

- С чего ты это решил? Я люблю тебя.

- Мне нельзя будет вас больше называть мамой?

- Почему? - Искренне удивилась она. - Я люблю тебя, Сэтоши. Я хочу, чтобы ты меня называл мамой, я хочу, чтобы ты был счастлив. И знаешь... - её голос перешёл на шепот. - Давай завтра немного пошалим? Я не отведу тебя в садик, и мы немного погуляем вдвоем в парке? Только ты и я?

Сэтоши вспомнил тот день, когда Мизуки оставила на бабушку заботу о Джуне, а сама с ним отправилась гулять в парк. Перед глазами поплыли моменты, как они с мамой гуляли по парку, кидались опавшими листьями, как он прыгал по лужам и был счастлив. Он тяжело вздохнул и посмотрел на женщину, которая стояла напротив него.

Путеводная Нить

Женщина болезненно поморщилась, когда Сэтоши начал упрекать её в том интервью, которое она давала много лет назад. Винить её в этом было трудно, так как она понимала, что рано или поздно журналисты могли докопаться до её прошлого, и тогда всё было бы не так просто. Она не знала, как это объяснить сыну, но по его виду и бутылке, из которой он начал пить, она поняла, что сейчас он не готов к конструктивному диалогу. Ненависть в его глазах больно резала по сердцу, но она понимала, что жизнь совсем не та, какой бывает сценарий пьесы. Это в спектакле можно помириться с ребёнком, которого она оставила. В реальной жизни это невозможно.

- Я это сделала для вашего блага. Для твоего и Шотаро. Чтобы вас никто не мучил, - ответила женщина и прислонила ладонь к его холодной щеке. - Я любила тебя, сынок. Я любила его. Я никогда не забывала вас. Я знаю, что я не должна была бросать тебя.

Она замолчала и окинула его взглядом. Ей не понравился его внешний вид, образ и вообще он сам. Как будто он не был никому нужен. Что же с ним случилось?

- Что с тобой произошло, сын? Я думал, что Шотаро заботится о тебе, что ты ни в чём не нуждаешься. Больно понимать, что это не так.

Сэтоши Мотидзуки

Он закрыл бутылку и убрал её в свой рюкзак. Когда ладонь матери легла на его щёку, он сильно вздрогнул. Её слова болью отдавались в сердце, и если бы не события, которые привели его к плачевному положению, он бы на них отреагировал. Но сейчас он просто хмыкнул и очень грубо убрал её руку.

- Ты любила меня? Ты скучала по мне?! - он почти перешёл на крик. - Так почему ты никогда не писала мне? Ты знаешь, что мне было плохо? Ты знаешь, что мне было страшно?! Я не верю, что ты любила его. Ты его ненавидела, это он желал остаться с тобой. Это он страдал! А ты просто плюнула на него. И на меня!

Он замолчал, поняв, что если продолжит говорить, то начнёт рассказывать ей о своём плачевном положении. Он всегда жаловался, он всегда был ничтожным, и это тоже было из-за того, что он доверял этой женщине. Он верил, что когда-нибудь придёт мама. Не Мизуки-сан, а его настоящая мама. Потом он стал понимать, что мама никогда не придёт, но стал верить, что она пришлёт весточку о себе. Потом он считал, что отец перехватывает все послания. А потом оказалось, что она его похоронила и жила себе спокойно в своей Англии. Всё это очень больно... и страшно...

Он протёр лицо руками и взъерошил волосы. Начал накрапывать мелкий дождик. Нужно прекращать этот бесполезный разговор и искать себе ночлег...

Путеводная Нить

От жёстких слов сына стало не по себе. От его крика, полного боли и отчаяния, становилось плохо. Сердце болело, и она понимала, что нужно забыть. Ей хотелось поскорее оказаться в объятиях любимого мужа, который защитит, успокоит, который подарит любовь. Все те чувства, которые должны быть у любимых людей. Но которых не было, когда она жила с Шотаро.

Когда сын перестал кричать, она залепила ему пощёчину. Звонкую и яростную. Возможно, она не имела права так делать, но его слова шептал алкоголь, который он влил в себя. Возможно, это была не первая бутылка. Возможно, его жизнь была не такой радостной, но сейчас ей самой не захотелось с ним общаться. Она холодно посмотрела на него.

- Ты ничего не понимаешь. Ты не знаешь, что такое большой мир. Ты не знаешь, что такое журналисты. Это не какая-нибудь маленькая газетёнка вашего городка, это приткие и чуткие, голодные до чужих трагедий и с отсутствием такта люди. Они бы сломали тебе жизнь. Я сделала то, что смогла, чтобы защитить тебя, Сэтоши! Они бы никогда не отвязались от тебя, сынок!

Она замолчала и увидела, что из машины вышел муж и направился к ним. Посмотрела на сына, холодно сверкнув глазами.

Сэтоши Мотидзуки

Ему ещё никто никогда в жизни не давал пощёчину, а оттого она оказалась больнее. Этот знак должен был его как-то утихомирить, но, наоборот, раззадорил его ещё

больше. И хоть он выпил не так много, но, вероятно, пить он так и не научился, а потому началось головокружение и все признаки надвигающегося алкогольного опьянения. Лицо покраснело, стало тепло. Красноту щёк видно не было. Он посмотрел на женщину. И выслушал её речь. Он кричала, она тоже срывалась на крик. И этот крик вытягивал наружу очередных демонов. Он устал от демонов. Он хотел, чтобы никаких демонов больше никогда не существовало. Эти демоны делали из него слабого и ничтожного человека. Впрочем, всю жизнь считая, что отец выгнал мать и мечтая, чтобы она хоть раз вернулась или сообщила о себе, он делал свою жизнь ничтожной.

А ведь отец не просто так говорил ему о непригодности к жизни, о бесполезности, о тупизне. Отец сильно любил его и боялся, что тот просто уйдёт. Уйдёт так же, как и мать. Эта женщина, которая не имеет права называться матерью. Отец пытался его подготовить к жизни, и если бы он не только со всем соглашался, чтобы от него отстали, но и спорил, высказывая свою точку зрения, этого бы не было. Не было бы той истерики в его кабинете. Не было бы потерянного и растерянного вида отца, когда он протянул руку, чтобы проститься. И не было бы слёз матери, которые он никогда не видел. Возможно, он бы ушёл в свободное плавание, но даже если бы у него ничего не получилось, его бы возвращения ждали, его бы приняли обратно домой. А сейчас... он всё испортил. Отец никогда не простит его, и теперь, когда он оказался в столь плачевном положении, без денег, работы, крыши над головой, он просто не имеет права возвращаться домой.

- Ты ничего не знаешь! Признайся, наконец, что ты никогда не любила ни моего отца, ни меня! Я тебе больше не сынок. Ты мне никто! Я не хочу тебя знать! И я надеюсь, что ты больше никогда не вернёшься сюда, в эту страну!

Он ненадолго замолчал и, посмотрев в её глаза, вздохнул и опустил голову. Он вспомнил ласковые разговоры Мизуки, которая его спасала от гнева отца, он вспомнил её ласковые прикосновения, когда он болел, её нежный голос, когда он боялся. И он понимал, что не может стоящую рядом с ним женщину называть матерью. Он помнил её образ. Он сохранит ту фотографию, что ему дала бабушка, но всё равно он никогда больше не усомнится в том, что его настоящая мать - Мизуки, которая воспитала его. И помогла маленькому застенчивому мальчишке обрести уверенность и веру в себя.

- Знаешь, эти цветы, жёлтые лилии, ведь это я тебе подарил, - холодным тоном произнес он и вздрогнул, не узнав свой голос. - Когда-то я ждал тебя. Потом я ненавидел тебя. Теперь я понимаю, что ты мне никто. Спасибо тебе, что ты подарила мне жизнь, но... я надеюсь, что мы больше никогда не встретимся. Прощай...

И он, кивнув, ушёл от неё. Он не оборачивался, хотя и знал, что он смотрит ему вслед. Сейчас, в отличие от прощания с матерью, у него не было желания остановиться и вернуться. С этой женщиной его связывает только маленькая выцветшая фотография, которая осталась в его комнате...

Путеводная Нить

Слова о жёлтых лилиях больно впились в её сознание, оставляя там

незаживающие раны. Разумеется, она знала, что означает на японском языке цветов жёлтые лилии. И от этого становилось ещё больнее. И страшно. Она не смогла сдержать слёзы, и они покатились по щекам. Ненависть. Он ненавидит её. Жёлтая лилия - это знак ненависти.

К ней подошёл муж и крепко обнял и прижал к себе. Она всхлипнула и отстранилась от него. Посмотрела вслед уходящему ребёнку и поняла, что теперь точно никогда не сможет его увидеть. Но, наверное, это и к лучшему. В ближайшие дни она вернётся в Англию, где сможет обнять своих девочек, которых сильно любит, которые её никогда не бросят и не предадут, никогда не скажут эти жестокие слова. У неё другая жизнь. Счастливая и прекрасная.

Нэтсуми поцеловала мужа в щёку и направилась к машине. Она прощалась с этим городом, в котором прошло её детство и юность. Но она ни о чём не жалела.
